

“Наши взгляды на конфликт в Абхазии основаны на пустотности и травмах” – интервью

В 30-ю годовщину начала Абхазской войны Тамта Микеладзе, директор программы "Равенство" Центра социальной справедливости, беседует с "NETGAZETI" об отношении грузинского общества и политиков к урегулированию грузино-абхазского конфликта, предпосылках разрешения конфликта и социальной защите жертв войны.

Даже спустя 30 лет после начала Абхазской войны отношение грузинского общества к причинам войны или разрешению/трансформации конфликта не единодушно. По вашей оценке, сегодня, спустя три десятилетия, какие доминантные взгляды существуют в обществе относительно событий, произошедших в Абхазии в 1992-1993 годах?

Прежде всего, пожалуй, следует сказать, что мы обсуждаем конфликты 90-х годов, их причины, факторы и ответственность из некой пустотности. В Грузии, которая с момента обретения независимости прошла через тяжелейшую историю вооруженных конфликтов, гражданской войны, авторитаризма и массового насилия, не было политического и правового процесса установления истины и согласования прошлого. Здесь я имею в виду восстановительную, т.е. трансформационную политику правосудия, которая предполагает изучение прошлого и установление истины, наказание виновных, защиту и восстановление прав потерпевших (репарацию), систематическую превенцию подобных преступлений/насилия путем реформирования политической и судебной систем.

Прохождение этого процесса, очевидно, важно для восстановления справедливости, предотвращения нового насилия, защиты и уважения прав жертв, освобождения общества от коллективных травм прошлого. Однако это имеет решающее значение для демократизации политической системы и общества, подотчетности элит и установления фундаментального мира.

Вот почему я говорю, что у нас нет политических и правовых рамок, соглашения, своего рода легитимной линзы, на основе которой мы могли бы думать, говорить и оценивать конфликты 90-х годов.

Вместе с этим, нет такого знания, которым можно поделиться, и видения относительно конфликтов, которое согласовывается и активно обсуждается хотя бы на общественном уровне. Здесь уже я имею в виду не политические и правовые процессы, а общественные, гражданские процессы. Почти ничего об этом травмирующем опыте в нашей недавней истории не преподается в государственных школах и даже университетах. Ресурсов для интердисциплинарных и критических исследований также мало (следует также подчеркнуть, что в последние годы появился интересный положительный опыт в академии и общественных организациях).

Травмы, с которыми не делятся, становятся причиной постоянной боли, стыда, и что самое тяжелое – они часто являются причиной возрождения и политической инструментализации этих травм, то есть их политического использования. Именно поэтому я думаю, что наши представления о конфликтах больше основаны на пустотности и травмах, и без продуманной трансформационной политики со стороны государства будет сложно преодолеть это положение.

Эта политика должна, с одной стороны, охватывать аспекты восстановительного правосудия (прежде всего установление истины, защита жертв и восстановление их прав, причем здесь мы должны видеть жертв с обеих сторон конфликтов), а с другой стороны, поддерживать построение доверия и подлинного мира, независимую академическую работу и плюрализм мнений в этой сфере, публичные дискуссии о парадигмах организации нашего государства и важнейших политических идеях (гражданском национализме, территориальном устройстве, демократии, справедливости, благосостоянии и т. д.), которые релевантны для обществ, живущих за разделительной линией.

Миростроительство и разрешение конфликтов действительно напрямую связаны с демократизацией политической системы, процветанием и социальной справедливостью, неуклонным проведением политики равенства, которая дает реальное равенство различным социальным и культурным группам и позволяет им делиться реальными правами, ресурсами и властью и участвовать в них.

Ни один из этих процессов не происходит в нашей реальности, и с течением времени общественный интерес и обсуждение этих вопросов все больше и больше ослабевают.

Что касается вашего вопроса точнее, о доминантных представлениях, связанных с конфликтами, то преобладающие видения в этом отношении основаны на двух основных нарративах: 1. Сведение конфликта целиком к российскому фактору и объяснение его именно российским фактором - тем, что предоставление статуса автономной республики и округа Абхазии и, соответственно, Южной Осетии было миной, ранее заложенной Советским Союзом для создания территориальных конфликтов в Грузии, и способом влиять на нее; что вооруженный конфликт в Абхазии произошел при провокации и участии России, иначе его бы не было. Этот нарратив в истории конфликта исключает ответственность грузинской стороны и в принципе скрывает ответственность и абхазской стороны; 2. Видеть в абхазской элите сепаратистов, которые воспользовались политическими потрясениями 90-х годов в Грузии и, наконец, добились своего «коварного» плана. В этом представлении почти нет упоминания об ответственности грузинских политических элит.

Обе эти точки зрения исключают структурный анализ конфликта, требующий объяснения его исторических, политических, территориальных, экономических причин и факторов. Именно такой многоуровневый анализ имеет возможность превенции конфликта и его трансформации.

Даже взгляд одним глазом на историю конфликта в Абхазии показывает, что этот конфликт начался не в 90-е годы, а его признаки были видны в начале XX века и в советский период, непрерывно. На протяжении всего этого периода у абхазов было явное недовольство тем политическим телом и местом, которое им предлагали Тбилиси и Москва. Были постоянные недовольства к политическому статусу, демографической политике, политическому представительству, языковым и образовательным правам, а также постоянный кризис доверия к Тбилиси как к центру.

Конфликт особенно тогда обострился и принял тяжелую политическую и военную форму, когда советская система начала распадаться, и абхазская и грузинская политические элиты

не смогли договориться в вопросе сосуществования и перераспределения власти и ресурсов в новом государстве.

К причинам конфликта относятся состояние слабого и развалившегося государства, контекст политических потрясений и дестабилизации, грузинский этнонационализм и его явно несправедливые, дискриминационные и шовинистические проявления в 90-е годы, контекст других конфликтов, начавшихся в кавказском регионе и т.д. Выстраивание доверия между центром и периферией, сосуществование в новом государстве требовало согласования новых взглядов и правил, чего тогда никто сделать не мог.

Советский Союз внезапно распался и уже и без того фрагментизированного, конфликтного и слабого национального движения, и нового правительства не было ресурсов для размышлений и организации. Политическая ответственность за это, очевидно, ложилась прежде всего на Тбилиси как на центр. Было неоправданно вводить вооруженные силы в Абхазию и придавать конфликту военное содержание со стороны Тбилиси. Это была роковая ошибка.

Естественно, я не отрицаю ответственности здесь ни Советского Союза и России, ни абхазских элит. Я против любой одномерной интерпретации.

Понятно, что советский национализм и этнофедерализм оказали сильное влияние на создание грузинской и абхазской этнической и национальной идентификаций. Такое понимание этнической и национальной идентичности связывало этническую идентичность с принципом территориальности и в то же время давало ей примитивное, примордиальное понимание, объясняющее этничность с точки зрения биологического и территориального аспектов и рассматривающее грузинский национализм как категорию, существующую с незапамятных времен, которое прочно и неизменно, подобно тому, как абхазский национализм строится и понимается по матрице и логике советского национализма.

Очевидно, что после распада Советского Союза России было необходимо сохранить свое военное влияние на Южном Кавказе и на Черном море, и Абхазский регион был для нее в этом смысле стратегически интересным местом. Понятно, что в интересах России было вмешиваться и контролировать внутреннюю и внешнюю политику Грузии, сохраняя свое влияние в конфликтных регионах. Также понятно, что в ходе вооруженного конфликта были эпизоды военной помощи и участия вооруженных добровольцев, набранных из России, в большом количестве.

Однако помимо этих контекстов и факторов важно провести более широкое и многоуровневое обсуждение этого процесса, анализируя роль всех сторон и акторов, влияние на них новых структурных изменений, а также ожидания, опасения и недоверие, которые возникли при дестабилизации системы. В Абхазии был конфликт между элитами, и социальное содержание он приобрел позже, после начала военной операции. Поэтому мы не сможем объяснить его без политических, экономических, территориальных, национальных вопросов, дискурсов и контекстов.

Война, начатая Россией в Украине, похоже, открыла новую дискуссию в грузинском обществе о внутренних конфликтах Грузии и путях их решения. Часть общества активно заговорила о геноциде грузин в Абхазии (акция "До Бучи была Абхазия"). Я помню высказанную вами

критическую позицию по этому вопросу. Можете ли вы объяснить нам, в какой части вы с ними не согласны и почему вы считаете, что подобные кампании не представляют собой мирного разрешения конфликта?

Здесь прежде всего надо задать вопрос о целях и серьезности кампании. Кампания включает только публичные встречи, фильмы и выставки и не имеет четких и конкретных политических и правовых требований. Какие у него политические и правовые задачи, кроме воспоминаний о тяжелом опыте 90-х, мне не ясно. Тем более, что это делает политическая партия, лидеры которой имеют опыт работы по теме управления и конфликтов, и, как правило, они должны быть более точными и деловыми.

Этническая чистка этнически грузинского населения в Абхазии признается рядом международных документов. В их числе резолюции Будапештского (1994 г.), Лиссабонского (1996 г.) и Стамбульского (1999 г.) саммитов ОБСЕ; также с аналогичными резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 мая 2008 г. и последующих лет.

Все эти документы фиксируют факт этнической чистки грузинского населения в Абхазии.

Например, в Декларации Лиссабонского саммита мы читаем: *«Осуждаем "этническую чистку", которая проявляется в массовом уничтожении и насильственном изгнании грузинского населения в Абхазии»*. В декларации, принятой на саммите ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 года, также говорится: *"Мы решительно осуждаем "этническую чистку", сформулированную на встречах высокого уровня в Будапеште и Лиссабоне, которая привела к уничтожению и насильственному изгнанию преимущественно грузинского населения в Абхазии, Грузия"*.

Согласно определению Комиссии экспертов ООН, расследовавшей практику нарушений международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии, этническая чистка - это: *"Заранее определенная политика, направленная на изгнание одной этнической или религиозной группы путем жестокого обращения или террора из определенного географического района другой этнической или религиозной группой. В основном это делается во имя ложного национализма, исторической обиды и мощного движущего чувства мести. Настоящая цель этой акции - оккупация территории и очистка ее от определенных групп"*.

По мнению Комиссии, этническая чистка представляет собой преступление против человечности и может быть приравнена к военным преступлениям. Более того, эти действия могут даже подпадать под действие Конвенции о геноциде.

По мнению экспертов той же комиссии, для признания геноцидом жертвой должна быть конкретная группа меньшинства, которая не представляет собой часть большинства, проживающего на территории всей страны. Кроме того, основной целью преступления этнической чистки (которое не является самостоятельным преступлением и обычно приравнивается к другим военным преступлениям) является скорее изгнание определенной этнической группы из определенного места, чем ее уничтожение. Уничтожение является доминантной целью в случае геноцида. Именно поэтому такая интерпретация является причиной того, что термин этническая чистка чаще используется для описания

преследования грузин в Абхазии. И, как я упоминала в этой главе, этническая чистка имеет четкую оценку в ряде международных документов.

Как я уже сказала, кампания, начатая «Европейской Грузией», «Табулой» и другими акторами, требует признания геноцида в формате публичной кампании и не имеет правового содержания или требований для начала правовой процедуры. В этих условиях остается неясным, какую правовую цель преследуют лидеры кампании и как они это видят.

Что же касается политического изъятия этой кампании, то главная ее проблема как раз и состоит в отказе от описанного выше многослойного обсуждения конфликта. Это полностью укладывается в господствующее представление, где все объясняется российским фактором и полностью исключает местные контексты и ответственность, связанные с конфликтом. Кампания полностью закрывает глаза на правовую и политическую ответственность грузинской политической элиты и лидеров вооруженных группировок. Она полностью игнорирует перспективу абхазской стороны, а также травму и боль абхазского народа во время вооруженного конфликта. И да, во время вооруженного конфликта были нарушены жизнь и безопасность мирных жителей Абхазии, и у нас есть жертвы среди мирных жителей и с другой стороны.

Ради политики урегулирования конфликтов и сосуществования крайне важно видеть эту сторону жертвы. Однако во многих заявлениях «Европейской Грузии» указывалось, что эта группа не видит в абхазском обществе ни сторону, ни собственных граждан. Это еще один грубый пример видения конфликта только с территориальной (а не с человеческой) перспективы.

Вот еще один, социальный, я бы сказала, аффективный слой. Выступление от имени потерпевших и напоминание об их боли и травме, если это не сопровождается демократическим и длительным диалогом с ними, если не приводит к конкретным правовым последствиям для них (в установленной процедуре) и, следовательно, восстановлению прав и реабилитации, куда нас приведет этот процесс?! Я лично, когда общалась с вынужденными переселенцами в этот период, они говорили, что у них уже открылись старые боли во время войны в Украине, и этот процесс, который начался в рамках кампании, стал для них еще более тяжелым.

Публичный контакт с самыми тяжелыми чувствами, если процесс не имеет реальной политического и правового назначения и цели, больше похож на политическую инструментализацию этих чувств и травм. Более того, эта партия не отличается даже инициативами, связанными с социальной защитой перемещенных лиц и жертв войны. В рамках этой кампании об этом даже не упоминалось.

Наконец, я думаю, что партия «Европейская Грузия», имеющая небольшую и слабую электоральную поддержку, пытается представить себя сильно прозападной, прогрессивно-либеральной партией (для этого она пытается использовать различные ценностные вопросы, чтобы занять свою нишу), однако агрессивные правые идеи каждый раз лишают его возможности занимать эту нишу, и мы получаем своеобразный оксюморон.

Мирная повестка и грузино-абхазский мирный диалог, который продолжается уже много лет благодаря экспертам, занимающимся вопросами конфликтов, насколько это соответствует

сегодняшнему настроению общества, которое, вероятно, в конечном счете и формирует государственную политику в вопросах разрешения конфликтов? Достаточно ли этого узкого круга специалистов, чтобы страна ни на каком этапе не думала о войне?

Да, это действительно большая проблема. Сегодня политика трансформации конфликтов сталкивается со многими вызовами. Прежде всего, проблема в том, что у нас нет продуманной и согласованной политики в направлении разрешения конфликтов. Политика ЕНД, особенно после войны, во многом основывалась на парадигме безопасности и непризнания. «Грузинская мечта» вроде бы больше привнесла в политику дискурс и элементы восстановления доверия и примирения, однако у «Грузинской мечты» практически не было новой стратегии и практики в политике разрешения конфликтов. Даже технически правительство до сих пор не приняло новый стратегический документ в отношении политики примирения и взаимодействия. Предоставление существующих в Грузии сервисов людям, живущим за разделительной линией, которыми правительство сегодня удовлетворено, также является политикой, начатой в предыдущие годы.

Более того, "Грузинская мечта" не смогла добиться ощутимых результатов в направлении урегулирования конфликтов. После 2012 г. "бордеризация" продолжилась и приняла еще более интенсивные формы, часты случаи задержания людей за пересечение т.н. «границы»; Было сокращено количество контрольно-пропускных пунктов и еще более ограничена практика передвижения между людьми; Блокирование конфликтных регионов и гуманитарные кризисы стали повседневным явлением; Правовое положение этнических грузин, проживающих в районе Южной Осетии и Абхазии, не изменилось (Гали, Ахалгори); Нет новых методов и подходов к реагированию на факты нарушения прав человека в конфликтном регионе, особенно в условиях, когда власть зачастую выбирает молчание и пассивность в этих вопросах; Принципиально новых отношений и общения с де-факто правительствами тоже нет; Нет новых инициатив, которые способствовали бы укреплению доверия и предоставлению абхазам альтернативных ресурсов и возможностей для развития (тем более в условиях форсирования аннексионной политики России, которая и сейчас выглядит очень активной вокруг Пицундского вопроса).

Более того, после войны в Украине внешняя политика «Грузинской мечты» стала еще более неоднозначной, а в обществе возникают сомнения и легитимные вопросы об их реальных устремлениях, интересах и шагах. В состоянии кризиса доверия ясно, что у правительства «Грузинской мечты» не будет возможности делать принципиально новые и важные вещи в направлении трансформации конфликта.

Следует также отметить, что, несмотря на политику нормализации отношений с Россией и за счет этого, правительство "Грузинской мечты" не добилось никаких улучшений в политике урегулирования конфликтов. Очевидно, что на этот процесс оказывает влияние политическая поляризация, которая, в том числе, снижает возможности формирования политического и общественного консенсуса в отношении политики урегулирования конфликтов. В направлении трансформации конфликтов разработка политики, основанной на согласии имеет особое значение.

Политика примирения и укрепления доверия имеет еще одну сложность. Она полностью закрыта и засекречена. Официальных заявлений и разъяснений по теме конфликтов

практически не делается; даже гражданские организации не имеют доступа к шагам правительства в этом направлении. В этих условиях, помимо сужения поля подотчетности и ответственности государства, сужается и общественный интерес и внимание к этим вопросам. Это повышает риск исчезновения этих вопросов из политической повестки дня.

На фоне продолжающейся войны в Украине и варварских шагов России у меня возникает ощущение, что дискурс объяснения наших конфликтов только российским фактором нарастает, и понятно, что это сужает возможности проведения трансформационной политики.

А что значит трансформационная политика?! Она возникает из многослойного и неодностороннего описания конфликта и пытается добиться социальных, политических и культурных изменений внутри обществ в пользу мира (преодолеть этнонационализм, шовинизм, милитаризм, патриархат); она пытается увидеть другую сторону конфликта как актора и найти точки соприкосновения интересов и повестки дня; она направлена на создание подлинной безопасности внутри сообществ и направлена на построение диалога и доверия между сообществами.

Какой бы непопулярной ни была эта мысль, важно, чтобы мы об этом говорили. Поговорим о том, что кроме России как актора есть и другие акторы - политические и гражданские элиты Абхазии и Южной Осетии, и важно признать их агентность и диалог с ними. Что у нас, как у "родительского" государства, есть позитивные обязательства по защите безопасности и прав людей, живущих в этом регионе; что построение доверия после тяжелого опыта конфликтов означает учет реальных интересов местных сообществ и т.д. На самом деле это решение должна принять наша политическая элита.

По сути, она заменяет политику, связанную с конфликтом, перспективой реального мира и трансформации, ориентированной на человека / сообщество, что является долгим и трудным процессом, если он остается только в дискурсе территориальности и непризнания, который не дал результатов в течение 30 лет. Еще раз подчеркну, что такой подход не исключает эффективной и действенной политики в области безопасности и внешней политики из-за рисков, исходящих от России.

Когда мы говорим о войне в Абхазии, возможно, первыми, кого мы вспоминаем, — это беженцы, которые после настоящей войны прошли через новую, длительную войну и до сих пор переживают бедность, отсутствие собственного жилья. На ваш взгляд, где, в какой части вина грузинских властей в том, что эти люди не смогли добиться достойной жизни?

Проблема беженцев – самая тяжелая для меня политическая и социальная тема. ВПЛ составляют 7% нашего населения. У нас есть вынужденные переселенцы из районов Абхазии, Гали, Южной Осетии и грузинских сел, оккупированных в результате войны 2008 года. Понятно, что разные группы ВПЛ имеют разную историю преследований, притеснений и маргинализации. Их ожидания относительно возвращения и интеграции также различны. До сих пор половина ВПЛ не обеспечена жильем.

В последние годы наблюдается значительный прогресс, но проблема настолько сложна и комплексна, что фактически требует мобилизации повышенных усилий и ресурсов со стороны государства; значительная часть ВПЛ проживает в районах коллективного

расселения, в большинстве из которых риски для жизни очень высоки; даже сейчас социальная поддержка ВПЛ остается мизерной; политическое участие и представительство ВПЛ слабы и практически отсутствуют положительные практики их участия даже на уровне местного самоуправления; также было упразднено Министерство по делам ВПЛ, что снизило значение политики в отношении ВПЛ как приоритетной области политики.

Сегодня мы можем сказать, что государство рассматривает ВПЛ как бенефициаров социальных льгот, а не как граждан. Среди прочего, их роль и голос в процессе трансформации конфликта не рассматриваются должным образом.

Интересно, что, согласно количественному опросу, проведенному ISSA в 2015 году, 57,3% ВПЛ считали себя полностью интегрированными, 33,3% считали их частично интегрированными и 8,3% не считали себя интегрированными. Чувство интеграции было высоким среди ВПЛ, проживающих в городе, а также среди ВПЛ с более высокими доходами и нового поколения (только 47,9% ВПЛ в возрасте 60 лет и старше заявили о полной интеграции, в то время как среди 16-24-летних этот показатель составляет 70,6%). Интеграция у ВПЛ в первую очередь ассоциируется с жильем, жильем с соответствующими условиями, медицинским обслуживанием и безопасностью. ВПЛ времен войны 2008 года считают себя наименее интегрированными.

Когда мы говорим об опыте конфликтов и войн, ясно, что в первую очередь мы должны говорить о реальных жертвах конфликта, заботах и потребностях. Однако, когда политики с "обнаженными мечами" говорят о войне, то умалчивают о социальной защите ее жертв. Это также относится к авторам упомянутой выше кампании, которые выдвигают правые политические идеи и неоднократно принимали неоправданные антисоциальные решения и политику.

Когда мы говорим об урегулировании конфликтов или трансформации, где вы видите беженцев во всем этом процессе? Какова их роль?

Я думаю, что их роль особенно интересна с двух перспектив. Первый фактор таков: они больше всего пострадали от этих конфликтов и важно консультироваться, работать с ними и участвовать в разработке политики трансформации конфликта. Политика в этом направлении не может быть справедливой, если исторические голоса беженцев не будут услышаны и приняты во внимание в этом процессе.

Второй фактор связан с их уникальным опытом. У них самые тесные связи с абхазами, и у них может быть больше всего ресурсов для налаживания отношений и восстановления доверия.

Вынужденным переселенцам удалось выжить в условиях экономического отчаяния, травм, нигилизма, включая социальную маргинализацию со стороны грузинского общества. Этот опыт уникален, и мы должны больше говорить о нем публично. В последние годы проблема ВПЛ исчезает из политической повестки дня. Только отдельные трагедии возвращают эту проблему в центр внимания. Важно правильно политизировать этот вопрос.